

МОДИФИКАЦИЯ КОНЦЕПТА «БАХТ» В УЗБЕКСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ

Гудзина Виктория Анатольевна,
Бухарский государственный университет,
кафедра русского языкознания

Аннотация: В статье освещается репрезентация отражения концепта «бахт» в узбекском языке. В центре внимания находится проблема отбора ключевых средств объективации рассматриваемого концепта в узбекском языковом сознании. Анализируется структура концепта «бахт», состоящая из ядра и периферии.

Ключевые слова: языковое средство, узбекский язык, базовый концепт, концептуализация, вербализация.

Язык является средством концептуализации окружающей человека действительности, средством усвоения культуры, получения, хранения и передачи культурно-значимой информации, неотъемлемой частью культуры. Культура – это форма сознания, отображающая мировоззрение человека. Человеческое сознание играет роль посредника между культурой и языком. В сознание поступает культурная информация, в нем она фильтруется, перерабатывается, систематизируется. Сознание же отвечает за выбор языковых средств, эксплицирующих эту информацию в конкретной коммуникативной ситуации для реализации определенных коммуникативных целей.

Для современной научной парадигмы актуально лингвокультурное моделирование языка, которое опирается на изучение универсальных концептов культуры. Рассмотрение базовых концептов, функционирующих в узбекском языковом сознании, открывает новые перспективы исследований в русле современной антропоцентрической парадигмы.

Будучи ключевым компонентом узбекской культуры, базовый концепт «бахт/счастье» отражает важнейшие категории и установки жизненной философии нации, являющиеся релевантными для понимания национального характера представителями других этносов.

Счастье – фундаментальная категория человеческого бытия, относящаяся к числу базовых концептов культуры. Набор компонентов этого ментального образования, их иерархия зависят от этнических предпочтений носителей

конкретной культуры, поэтому необходимо лингвокультурное исследование данного концепта.

С.Г. Воркачев отмечает: «В эволюции концепта «счастье» последовательно прослеживается субъективизация и перемещение вовнутрь «локуса контроля»: изначально счастье – это судьба, рок, затем это случай, везенье – нечто сугубо внешнее и не зависящее от человека, и, наконец, это «деятельность души в полноте добродетели» (Аристотель), а быть или не быть добродетельным зависит исключительно от воли человека, и в этом смысле – каждый кузнец своего счастья» [Воркачев: 264].

Под концептом «бахт / счастье» в узбекском языке понимается такое чувство человека, которое выражает полное удовлетворение жизнью, отсюда можно предположить, что чувство «бахт / счастье», связанное с эмоциями, близкими к радости, рассматривается всегда как чувство на фоне радости. Ключевое средство объективации концепта «счастье» в узбекском языке – это номинативная лексема «*бахт*». Базовость данных номинантов определяется: 1) включенностью их в состав ядерной лексики данных языков, 2) большим объемом лексико-семантического поля данных единиц, 3) их обширными сочетаемостными возможностями.

Согласно И.А. Стернину, когнитивная интерпретация лексических единиц предполагает «смысловое обобщение полученных результатов описания значений языковых единиц». Этап когнитивной интерпретации требуется для формулирования когнитивных признаков на основе полученных значений или семантических компонентов лексем номинативного поля. Языковое сознание материализуется и воплощается посредством языковых средств. Представители Московской психолингвистической школы А.А. Леонтьев и Е.Ф. Тарасова определяют языковое сознание как «образы сознания, овнешняемые языковыми знаками». Оно исследуется с помощью лексических единиц, которые являются предметом исследования когнитивной лингвистики. Семантическое описание лексических единиц позволяет смоделировать когнитивное сознание, что и происходит на этапе когнитивной интерпретации.

В узбекском толковом словаре выделяют 3 значения слова «*бахт / счастье*»: 1. Чувство и состояние высшего удовлетворения. 2. Созидание. 3. Удача, успех.

Н.А. Тухтаходжаева отмечает, что в узбекском языке лексико-семантическое поле «бахт» проявляется в таких понятиях, как «*саодат*» (высшая степень счастья), «*омад*» (удача), «*шодлик*» (веселье), «*хурсандчилик*» (радость), «*такдир*» (судьба). В узбекском языке в составе лексико-

семантических полей присутствует элемент выражения счастья как чувства [Тухтаходжаева: 30]. В языке «бахт / счастье» образует факторы, вызывающие у субъекта положительную оценку существенных моментов.

В узбекском этимологическом словаре лексема «бахт» имеет персидское происхождение. Анализ этимологии лексем, репрезентирующей концепт «бахт / счастье», сохранившейся в наивной картине мира, позволяет выявить семантические и национально-культурные особенности исследуемого концепта.

Концепт «бахт /счастье», являясь базовой единицей концептосферы узбекского языка, имеет сложную структуру, в которой выделяются ядро и периферия.

Синонимический ряд, репрезентирующий концепт «бахт» в узбекском языке выглядит следующим образом: *саодат, омад, шодлик, хурсандчилик, икбол, масъуд, толе, фарогат, мамнунлик*. Счастье в мировоззрении узбеков воспринимается как *везение, благополучие, состояние довольства, радости*. В синонимических рядах ядерных лексем «бахт / счастье» наблюдаются семантические коррелятивные пары: *мамнунлик – радоваться, икбол – фортуна, толе – удача, фарогат – удовлетворение*. Синонимичные средства, используемые в узбекском языке для обозначения данного ментального образования, в разных ситуациях имеющие коннотативную экспрессивную окраску, свидетельствуют об активном процессе осмысления концепта, его чрезвычайно высокой актуальности для носителей языка.

Ю.Н. Караулов в сопоставительном ассоциативном словаре представляет ассоциативный ряд концепта «счастье». Согласно этому сопоставительному ряду *счастье* характеризуется как нечто *собственное (мое), большое, мимолетное, семейное*, оно может ассоциироваться с деньгами, любовью, солнцем, удачей, дружбой, весельем, домом, свободой и т.д. [Караулов:78]. Но в то же время данный концепт представляется как нечто *недолговечное, непостижимое, редкое, шальное*, и очень часто ассоциируется со своим антонимом «несчастье».

Как показал структурно-семантический анализ словарных единиц, в семантической структуре лексем «бахт / счастье» выделяются такие семантические компоненты, как: «*шодлик /радость*», «*омад /удача*», «*оила/ семья*». Именно они и составляют смысловое ядро концепта «бахт / счастье».

К ним можно добавить и дополнительные лексем: *ривож - успех, обрў - авторитет*.

Когнитивные признаки концепта «бахт» проявляются в следующих категориях:

1. Счастье – дети: *фарзанд бахти – она тахти* (счастье ребенка – это счастье родителей);
2. Счастье – труд: *мехнат – бахт келтирар* (труд приносит счастье);
3. Счастье – Родина: *халқ кимни севса, бахт унга табассум қилади* (кого народ полюбит, тому счастье улыбнется);
4. Счастье – сила: *бахтинга ишонма, бармогингга ишон* (не полагайся на счастье, а полагайся на свою силу в руках).

Таким образом, концепт счастье в узбекском языковом сознании на современном этапе понимается как состояние довольства и высшего удовлетворения. Пытаясь понять особенности концепта «бахт» в узбекском языке, неправомерно опираться, на наш взгляд, только на мнения носителей языка, так как далеко не каждый из них может дать определение понятия «счастье». Вместе с тем каждый реципиент может сразу ответить на вопрос: «Счастлив он в настоящий момент или нет». В сознании носителя узбекского языка присутствует концепт «бахт /счастье» как часть национальной концептосферы, но четкая вербализация его часто вызывает затруднение.

[Литература

1. Воркачев С.Г. Концепт счастья в английском языке: значимостная составляющая / С.Г. Воркачев, Е.А. Воркачева // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 263–275.
2. Караулов Ю.Н. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. URL: <http://it-claim.ru/>
3. Тухтаходжаева Н.А. Национально-культурная специфика концепта «счастье» в разносистемных языках // Филологические науки, Международный научно-исследовательский журнал, 2012, № 6. – С.30-33.